

**О.В. АТРОШЕНКО,
Ю.А. КРИВОЩАПОВА**

Летом 2005 г. Топонимическая экспедиция Уральского государственного университета под руководством проф. Е.Л. Березович работала на территории Кадуйского р-на Вологодской обл. Полевые работы были традиционно ориентированы на сбор ономастики (в первую очередь топонимии и антропонимии) и диалектной лексики. В данной статье представлены некоторые лексические материалы, интересные с точки зрения реконструкции мифологических представлений о мире, воплощенных в языке и культурной традиции.

Кадуйская нечисть

В лексике Кадуйского р-на фиксируется обширный пласт названий мифологических персонажей и нечистой силы, причем некоторые из них до сих пор не были отмечены диалектными словарями.

К примеру, среди многих названий, мотивированных местом обитания персонажа (*лесовой* ‘леший’, *домовик*, *домовушка* ‘домовой’, *дворовой* ‘мифическое существо, обитающее в хлеву или в конюшне’, *баеный*, *баеник*, *банник* ‘мифическое существо, обитающее в бане’, *подовинник* ‘мифическое существо, живущее в овине’ и т. п.), впервые зафиксированным оказалось слово *местовой* ‘мифическое существо, обитающее в определенном месте’: «Может, в земле живёт какой человек, нечистая сила, плохим не должен быть; место-то где стоишь, там и местовой» (Турпал). Это слово является как бы родовым назначением для всех *geniorum loci*, отражающим представление о том, что у каждого места (локуса) есть свой хозяин.

Отсутствует в диалектных словарях и любопытное наименование черта *гагарий кум*: «В болоте гагарий кум сидит, ухаёт. Чёрта звали гагарий кум: гагара-то птица плохая, нечистая, вот и назвали» (Крестовая). Эвфемистическое словосочетание мотивировано тем, что черт воспринимается как родственник птицы гагары, которая

ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА АТРОШЕНКО, студентка 4-го курса Уральского гос. университета (Екатеринбург); ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КРИВОЩАПОВА, аспирантка Уральского гос. университета (Екатеринбург)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ТРАДИЦИИ

на Русском Севере считается нечистой (например, жители Архангельской обл. считали употребление мяса гагары в пищу грехом, потому что гагара «птица дьявольская» [1. С. 668]). «Нечистота» этой птицы объясняется, вероятно, местом ее обитания (болото) и резкими звуками, похожими на крики, которые она издает.

Не были отмечены диалектными словарями еще два кадуйских эвфемистических обозначения нечистой силы, образованных по «негативной» модели: *никчёмный* ‘леший’: «Чтобы дети далеко в лес не бегали, им всегда кричали: “Никчёмный-то вас заберет, далеко не уходите!”» (Марковская), *дьявол нелагожий* ‘черт’. Внутренняя форма последнего слова может быть понята как «непривлекательный, некрасивый», ср. прилагательное *лагужий* ‘пригожий, красивый’, которое фиксируется на этой же территории. Сходную мотивационную модель реализует лексема *некошной* ‘черт’: «В Лойде один мужик знался, некошного вызывал, а тот с ушатом пива как стал, дак о стамец оперси — такой огромный» (Сосновка), — которое образовано сложением отрицательного префикса *не-* и прил. *кошной* арх. ‘красивый, пригожий’, арх., влг. ‘хороший’, ‘чистый, добрый, непоганый, годный’ [2. Вып. 15. С. 153], а также слово *немытики* ‘мифологические существа, живущие в водоемах’: «Такие страшные, немытики, в воде черти такие, из воды выходят» (Турпал). Все выше перечисленные слова объединены изъятием положительного признака, его отрицанием и описательным принципом именования, что и создает эвфемию.

Впервые записано также слово *гыга* ‘нечистая сила, обитающая в лесу’: «Гига кака-то была, блудить будешь, гига гигает, дальше в лес заводит, будто отзывается тебе, гигу-ту не слушай в лесе» (Маза). При номинации мифического существа важна его речевая характеристика (*гыга гыгаёт*): перед нами звукоподражательное название, образованное с помощью редупликации. Данная лексема вписывается в обширный ряд других русских обозначений нечистой силы, реализующих редупликационную модель

именования: *кукан*, *кока*, *коканко* ‘бука’, *шишига* ‘черт’, *гуга*, *гогона* ‘леший’, *хухоль*, *хухлик* ‘водяной, черт, ряженый’, *кикимора* и др. (интересно, что чаще всего редупликации подвергаются именно заднеязычные согласные) [3. С. 425—427]. В данном случае *гыга* — существо, воплощающее в себе непонятные звуки леса, которые могут послышаться человеку. Рассказ о гиге перекликается с представлением о том, что в лесу не опасно слышать только знакомые звуки и голоса, а незнакомые звуки опасны (они могут принадлежать нечистой силе), поэтому нельзя звать (аукать) чужих: «В лесу уваться [ауваться] не надо, только того, с кем пошла, будешь уваться — дедушка с воли уведёт, подумает, что его зовёшь» (Коротневая).

Интересен упомянутый выше образ *дедушки с воли* или *вольного*. Это название мифологического существа без определенного места жительства — точнее, живущего в не освоенном человеком пространстве: «В лесу заблудишься, зови дедушку с воли: “Дедушка с воли, не сердись, выведи меня!”» (Бор); «Чтобы вольный не увел, надо белё на левую сторону переодеть» (Осипово); «Если заблудился в лесу, значит, вольный водит. Он почти как лесной, только высокий очень. Выше леса, выше всего, на нем кушак красный и шапка круглая. Он идет и кричит: “Ага-га!” А потом запел: “Как на эти тананы надеть бы красные штаны!” Сама слышала. А больше так никогда никто не пел. Что за тананы — непонятно, но думаю, что ноги, наверное» (Борисово) (слово *тананы* зафиксировано в других деревнях Кадуйского р-на как экспрессивное обозначение длинных ног).

Вольный — это антропоморфизированный образ воли, пространства вне дома (ср. арх., влг. *воля* ‘пространство вне дома, закрытого помещения; улица’, *вольный* ‘внешний, обращенный наружу, в открытое пространство’, включенный в оппозицию «вольный—домашний» и противопоставленный, таким образом, *домовому* и *дворовому* (ср.: «Подовинушко да банушко хозяева, а в лесу нет хозяина, там вольный») [4. Т. 1. С. 168—169]. Его подвижность в представлении людей ассоциируется

Валентина Кузьминична Короткова из д. Маза за прялкой. Фото Е.Л. Березович

с ситуацией вождения (если человек заблудится). Атрибутом вольного является «нечистый» след: «Вольный если в лесу, не на этот след наступишь — уведёт» (Крестовая). Указание в контексте на ноги (*тананы*) и след семантически связано с перемещением. Оказываются важными звуковые формы поведения вольного, который кричит и поет: такие звуковые проявления не только позволяли опознать персонаж, но также запугивали и завораживали (см. об этом [5. С. 118—138]). Красный кушак и красные штаны можно считать проявлением символики красного цвета — цвета потустороннего мира, хтонических и демонических персонажей [6. С. 647—649]. Кроме того, четко вырисовывается гиперболизация внешних признаков мифологического существа: высокий рост, густые брови, что характерно для представлений о персонажах низшей демонологии.

Любопытны отношения вольного с лешим. Вольный иногда приравнивается к лешему, а иногда противопоставляется ему: «Вольный только хорошему человеку кажется и ничего плохого не делает. Высокий такой, тонкий, лица не видно. Лесной — это не вольный, он хозяин леса, а вольный — он гуляет и добро несет людям. С вольным зваться надо, тогда и лечить сможешь» (Марковская); ср. также кадуйские эвфемистические названия лешего *большой мужик*, *большой хозяин*, указывающие на его «хозяйские» функции. Представления о вольном противоречивы, нередко в

них проявляется положительная оценка действий этого персонажа, ср. также: «Вольный водит, хорошего человека он приведет куда надо, а плохого так долго водит» (Средний Двор).

Некоторые лексические факты говорят о связи змеи с нечистой силой, ср. *медянка*, *майдянка* ‘нечистая сила в виде рыжеволосой женщины, которая превращается в змею-медянку’: «У медянки-то волосы красные, колосится рожь, пролетела по зерну на поле, говорят: “Медянка пролетела, как молния”» (Тимохино); «Медянка из земли выходит, в змею обращается. А так-то баба с рыжими волосами» (Уйта).

Змея — пограничное существо, обитающее в нескольких мирах-стихиях (вода, поле, под землей), что позволяет связывать ее с потусторонним миром [1. С. 280—289]. Мифологизации медянки способствовало и то, что она считается самой опасной змеей, особо подчеркивается ее слепота: «Мидяница — самая страшная змея. Она слепая. Если бы у ей были глаза, то сорок матерей бы каждый день плакали — такая ядовитая» (Сосновка); «Глаз у медянки нет. Если бы были — двенадцать матерей бы плакали каждый день» (Бережок).

Соотносимыми с нечистой силой оказываются также некоторые рас坦ения. Образная основа идиомы *носиться, как чёрт с репой* ‘бегать, суетиться’: «Другой раз бегает кто-то, может, выпавший кто, бегает как сумасшедший, говорят, носится, как чёрт с репой» (Фанерный Завод) — говорит о существовании связи черта и репы. Исследователи отмечали эту связь, опираясь в первую очередь на материал русских народных сказок, в которых черт помогает человеку выращивать репу, ворует ее и т.п. [7. С. 110—118]. «Любовь» черта к репе может объясняться несколькими причинами, в том числе тем, что на Русском Севере, в частности в Кадуйском р-не, ее выращивали нередко не на собственном огороде, а на лесных расчистках, т.е. на «территории черта». Записанный нами фразеологизм дополняет сказочный материал, переводя корреляцию «черт — репа» на языковой уровень.

Ряд слов требует особых разысканий. Среди них такие наименования черта, как *лёкан* и *лёман*. Особенностью их употребления является то, что данные лексемы не функционируют в речи свободно, а используются в устойчивых бранных форму-

лах (фразеологических сочетаниях с отрицательной эмоциональной окраской): *пошёл ты к лёкану, лёману* (Уйта), *лёман с тобой* ‘черт с тобой’ (Великий Двор), *лёман (лёкан) тебя бери* (Бережок). Лексема *лёман* считается табуистическим преобразованием финно-угорского по происхождению слова *лёмбой* ‘черт’ [8. Т. 2. С. 480], при этом неясно, по какому пути произошло преобразование (М. Фасмер сомневается в высказанной Д. Зелениным версии о влиянии слова *демон*); смущает также фиксация слова *лёкан*, в частности, в Калужской губ. [2. Вып. 16. С. 346], что с лингвогеографической точки зрения несколько не согласуется с возможным финно-угорским этимоном. Загадочно и слово *лёкан*, которое не фиксировалось в словарях. С известной долей осторожности мы можем говорить о финно-угорском происхождении этой лексемы и привести в качестве соответствия фин. *liekkio* ‘призрак, домовой, тролль, леший’ [9. № 2. С. 289]. При этом, кажется, нельзя исключать мысль о том, что слова *лёкан* и *лёман* могут быть связаны друг с другом в языке-источнике.

Пусть к тебе белая корова придет!

Участниками экспедиции зафиксированы следующие кадуйские идиомы, требующие мотивационного комментария: *чтоб тебе белая коро-*

Василий Кириллович Боровиков из д. Заручевье. Фото К.В. Пьянковой

ва на двор пришла ‘угроза, проклятие кому-либо’: «Поругаются соседи и желают плохого: “Чтоб тебе белая корова на двор пришла!”» (Крестовая); *пусть к тебе белая корова придет!* ‘то же’: «Как кто какую пакость сделает — ему говорят: “Пусть к тебе белая корова придет!”» (Нижние); *белая корова на двор придет* ‘о неизбежности наказания для того, кто соврал’: «Белая корова на двор придет — значит, отмщение тому, кто говорит неправду» (Заяцкое); *белая корова (к тебе) придет* ‘угроза тому, кто не выполняет обещания’: «Задумала что-нибудь сделать, но не сделала: “Ну, белая корова к тебе придет!” или “Не была у тебя корова белая?”» (Ларионовская). Из представленного материала видно, что белая корова появляется в качестве наказания человеку за какой-либо проступок (в частности, за вранье или пустые обещания).

Пытаясь объяснить происхождение выражений, связанных с приходом (появлением) белой коровы, следует обратить особое внимание на символику белых животных в славянской традиции (разумеется, общая символика белого цвета гораздо шире). Известно, что белые животные, белые птицы, особенно те, что редки или вообще не встречаются в природе, считаются особыми, колдовскими или «царями» над своими сородичами. Так, белый волк признается царем над всеми волками (смолен.), в севернорусском поверье клады превращаются в белых животных — зайцев, кошечек, коров (влг.), белого петуха считают роковой птицей, его опасно держать в хозяйстве (черногор.) [10. С. 153—154], о людях, находящихся в ссоре, говорят, что между ними *белая собака пробежала* [11. Вып. 1. С 159].

Белый цвет животных может символизировать также болезнь или смерть. Западноморавское поверье утверждает, что увидеть весной белую бабочку — к смерти, а красную — к жизни. В могилевском заговоре большая корова называется белой, а здоровая — красной. Здоровой корове дают хлеб и, когда она начинает жевать, берут от нее часть разжеванного хлеба для больной коровы со словами: «Красная корова! Просиць у тябе белая товаришка жваки» [12. С. 410]. Смерть предвещают во сне: белые гуси (польск., з.-укр.), белое животное — коза, конь (словац., морав., полес., ю.-рус.) [10. С. 153]. В польской на-

родной традиции считается, что белый конь снится к чему-то плохому, к чьей-либо смерти или похоронам [13. С. 172].

Таким образом, белая корова может рассматриваться в ряду других белых персонажей, символизирующих болезнь или смерть, а вербальную угрозу появления белой коровы можно трактовать в качестве проклятия, призванного спровоцировать болезнь или смерть провинившегося. Укажем также, что черный цвет, традиционно обладающий отрицательной семантикой, в некоторых случаях выступает как синоним белого и аналогичным образом обозначает или предвещает какое-либо несчастье: так, в толкованиях снов черный бык — неминуемая опасность, белый бык — болезнь, изнеможение (рус.) [14. С. 274], человека, который еще не испытывал в жизни трудностей, не имел жизненного опыта, в Полесье говорят, что *ему еще чёрный вол наступит на ногу* (сообщено С.М. Толстой).

Интересно отметить, что идиомы, повествующие о приходе белой коровы, можно соотнести с некоторыми метеорологическими поверьями, связанными с домашним скотом и функционирующими на той же территории, ср. влг. «Если чёрную корову увидишь — значит, день плохой будет; если красную — то хороший» (Якшинская Кадуйского р-на); «Мы залезем на отводок — коров встречать: если красная корова первая — будет красный день, чёрная — чёрный день. Погода так определялась» (Дубровское Кадуйского р-на); «Если корова чёрная впереди стада идет — дождь будет, а если красная или белая — вёдро. Идешь встречать — смотришь» (Ростани Вашкинского р-на); «Чёрная корова впереди стада — к дождю, красная — к вёдру» (Первомайское Великоустюгского р-на); «Ежели идет чёрная корова первая, значит, плохой день будет, если красная или белая — дак хороший» (Филинская Усть-Кубенского р-на); подобные поверья известны и в других зонах: белорусы смотрели, когда стадо возвращалось вечером с поля: если впереди шла черная корова (*чарнóха*), то на другой день ожидали ненастия, если же *бялоха* — ждали ясной погоды [10. С. 152]. Метеорологическая семантика быков и коров определяется тем, что в славянской народной традиции эти животные символизируют богатство и плодородие. В своей мифической ипостаси они могут

выступать в качестве стада небесного, противопоставляясь земному скоту и воплощаясь в грозовых тучах, опасных для урожая. Такие поверья частично сохранились в Сербии, где небесным белым стадам противопоставлялись земные черные стада, а предводителем грозовой тучи представляется бык ‘первая белеющая туча, предвещающая грозу’ [15. С. 504]; ср. также рус. влг. *бык*: «Вон какой бык-от из-за лесу-то вылезит!» [16. Вып. 1. С. 53], *бык, бычок* (обыч. множ. *быки, бычки*) ‘кучевое облако’ [4. Т. 1. С. 242, 247] (подробнее об этом см.: [3. С. 324—327; 15; 17. С. 55, 83; 18. С. 313]).

Ключевым моментом здесь также представляется цветовая символика. В данном случае корреляция ‘белый’—‘черный’ входит в эквивалентный ряд с парами ‘небесный’—‘земной’ и ‘ясный’—‘хмурый’ (о погоде). В результате цветового противопоставления разграничиваются небесный (белый) и земной (черный) скот, а также хорошая (белый, красный) и плохая (черный) погода. Упоминание белого цвета здесь, как и в случаях с *белый свет и белый день*, очевидно, мотивировано признаком ‘ясный, белый, чистый’ [10. С. 152]. Ср. также некоторые метеорологические толкования снов, зафиксированные в Полесском селе Речица: «Як скотына сныша — сниг; Коровы пасэш — знов сниг падае; Як чэрвоне пасэш (скотына чэрвоная будэ) — то на погоду, а зымою на мороз; Коровы, шо пасэш — дош будэ; Чорны овички — на дошч, бильы — на сниг; Овцы — недобрэ, кажуть; то зимою як билэ овцы — на сниг, а як сывы — то, хыба, на дош» [19. С. 75].

Таким образом, выражения типа *белая корова (к тебе) придет* можно считать сформировавшимися на фоне комплекса народных представлений о стадах земных и небесных, но, очевидно, не связанными с ними напрямую. Возможно, что приход белой коровы, помимо разного рода несчастий, сулил неприятности погодного характера и мог повлечь за собой, например, последующее изменение погоды (появление грозовых туч) или грозу непосредственно. Отметим, однако, что в случае непосредственного соотнесения фразеологизмов о белой корове с приведенными выше метеорологическими представлениями о «говядах» остаются некоторые неясности: прежде всего трудно объяснима явно негативная семантика

белого цвета в приводимых выражениях, в то время как в метеорологическом контексте белый цвет обозначает как раз хорошую погоду. Думается, предпочтительнее ограничиться версией, которая связана с представлениями об «эксклюзивности» белого, воспринимаемого негативно. В таком случае остается невыясненной причина «насыщения» белой коровы именно человеку, который сказал неправду или не выполнил обещание (здесь можно задаться вопросом о связи образа коровы с образом белого бычка из известной сказки).

Литература

1. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
2. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.
3. Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
4. Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
5. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
6. Белова О. В. Красный цвет // Славянские древности: Этнолингв. словарь (далее — СД). М., 1999. Т. 2. С. 647—651.
7. Бунчук Т. Н. Концептуальный анализ текстов традиционной культуры (тексты *vita herbae / rei* и кумулятивные сказки; актуальные слова-концепты): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I—IV.
9. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958—1981. № 1—7. (LSFU, XII).
10. Толстой Н. И. Белый цвет // СД. М., 1995. Т. 1. С. 151—154.
11. Архангельский областной словарь. М., 1980—. Вып. 1—.
12. Толстой Н. И. Вол // СД. Т. 1. С. 409—411.
13. Niebrzegowska St. Polski Sennik Ludowy. Lublin, 1996.
14. Толстой Н. И. Бык // СД. Т. 1. С. 272—274.
15. Толстой Н. И. Говяд // СД. Т. 1. С. 503—504.
16. Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983—. Вып. 1—.
17. Толстой Н. И., Толстая С. М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. М., 1981.
18. Толстая С. М. Планетники // Славянская мифология: Энциклоп. словарь. М., 1995.
19. Гура А. В. Снотолковательная традиция полесского села Речица // Сны и видения в народной культуре. М., 2001. С. 70—94.

Ю. Ю. АНТОНЯН КОЛДОВСКОЙ ТАЛИСМАН В СОВРЕМЕННОЙ АРМЯНСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аналоги понятия «порча» в современном армянском языке обозначаются целым рядом терминов (*кан*, *гир*, *ачк*, *навс*, *шоршоп* и др.) в зависимости от способа нанесения и характера вреда (сглаз, одержимость и др.). Собственно колдовство (вредоносные действия или магические предметы) в основном сводится к понятиям *кан* и *гир* либо *тухт у гир*. «Антиколдунья»¹ Сиран (1934 г.р., с. Масис, Арагатский регион) проводит между ними следующую разницу. *Гир* (дословно «письмена») — это талисман, написанный арабскими буквами. Если в тексте есть цифры, значит, он содержит в себе колдовство, а если только буквы — значит, это молитва. *Кан* — это защищенные в одежду или постель жертвы волосы, куски тканей и нити. «Антиколдунья» Алвард (1957 г.р., г. Чаренцаван, Котайкский регион) делит колдовство на *гир*, т.е. письмена, которым обозначается любой колдовской предмет, и *тхти гир*, т.е. письмена на бумаге. Это хорошо иллюстрирует современное развитие понятия *гир*, обозначавшего ранее письменный талисман, а теперь колдовской предмет, а чаще и то и другое, подбрасываемые жертвам и наводящие порчу. В основном подобные представления разделяются другими информаторами. *Кан* — прежде всего действие — завязывание, закрытие, зашивание и, соответственно, его результат — связанные, защищенные удача, счастье, плодоносная сила. Так, во время свадеб специально следили, чтобы невесту и жениха «не завязали» [1. С. 166; 2. С. 18; 3. С. 64].

Описания рукописных колдовских талисманов сохранились в источниках начала XX в. [4. С. 143; 5. С. 219—233; 6. С. 65; 1. С. 183; 7. С. 403], большое количество которых хранится в Институте древних рукописей Матенадаране (см. [8]). Что касается предметных талисманов, то упоминания о них в источниках очень скучны и неопределенны. Так, в житии св. Геворка Скевраци (источник XIII в.) упоминается женщина с колдовскими свертками и костями мертвцев [9. С. 151—152]. ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА АНТОНЯН; аспирантка Ереванского гос. университета (Армения)

Гир в виде свертка, коробочки, ладанки злоумышленник по совету колдуна обычно прятал в доме жертвы (в пограничных местах, например в углах, на пороге или под ним, на ручке двери), во дворе, но чаще в вещах жертвы — одежде, постели (обычно в подушке или матрасе).

Гир либо находят случайно, либо его местонахождение определяет «антиколдун», когда к нему обращаются за помощью, если с человеком что-то неладно. А. К. (г. Ехегнадзор, регион Вайоц-дзор) узнал о том, что его околдовали, от своей матери, которая ходила к гадалке. «Антиколдунья» Гегануш (1958 г.р., с. Малишка, Вайоц-дзорский регион) сообщила, что у А. К. дома есть темно-синяя сорочка, в которой находится *гир*. В правом нагрудном кармане действительно нашли защищенным кусок чеснока, который, как прокомментировал А. К., обладает способностью вызывать слезы. «Антиколдунья» извлекла чеснок, прочитала над ним молитву, завернула в бумагу и велела в полном молчании выбросить в проточную воду по дороге, так как *гир* ни в коем случае нельзя заносить домой.

Молодой женщине, обратившейся к «антиколдунье» по поводу своих семейных (сексуальных) проблем, та сообщила, что на нее наведена порча, и определила, что *тухт у гир* находится в подушке. По возвращении домой женщина нашла в подушке кулек арбузных косточек, семечко подсолнуха, пшеничное зерно, два уголька, а также перо, вымоченное в ее собственной крови. Чтобы избавиться от порчи, супругам надо было соблюсти сорокадневный пост, в течение которого следовало пить освященную воду, в которую «антиколдунья»: опустила талисман — клочок бумаги с написанной по-арабски молитвой.

Еще одна женщина, у которой были проблемы с мужем, нашла вкотую в его костюм иглу, как и предсказывала «антиколдунья»: «В тот момент, когда ты найдешь иглу и попытаешься ее отколоть, к тебе подойдет женщина и постарается выбросить иглу в огонь. Но ты не дай ей это сде-